

После комфорта¹

Дэниел Барбер

1

Противоположность комфорта – дискомфорт. К первому мы стремимся, второго стараемся избегать. Комфорт ценится, потому что он обещает постоянство, нормальность и предсказуемость, которые позволяют более продуктивно работать или просто хорошо выспаться. Наша коллективная приверженность комфорту – это способ уверить себя, что нам ничего не угрожает и что завтра будет таким же, как сегодня. Комфорт говорит о том, что человек возвысился над несообразностями природного мира и победил не только природу и погоду, но и саму случайность. На комфорт мы можем положиться. Он будет на месте, когда мы вернемся.

Комфорт – неотъемлемая часть обустраиваемых нами пространств (interiors) и причинно-следственной цепочки, связывающей воедино системы отопления и кондиционирования, топливо, которое они потребляют, и углеродосодержащие выбросы, которые они создают. Комфорт имеет отношение ко многим аспектам жизни – от открытых пространств пригородов до роскошной обивки автомобильных салонов. В более общем смысле он тесно связан с потреблением. Особый интерес представляет здесь поддержание температурного режима внутренних пространств, потому что оно входит в компетенцию архитекторов и потому что оно невидимо и от него особенно сложно отказаться. Дизайн является частью этой причинно-следственной цепи, он организует и эстетизирует связь между комфортом и углеродом.

Удобства – это ступени лестницы, ведущей к роскоши. Классовые различия – это различия в комфорте как в целом, так и в деталях. Это также экономические и геополитические различия. Запад, Глобальный Север, география индустриального капитала, глобальная территория кондиционирования воздуха – политика в XXI веке вращается вокруг доступа к комфорту. Ступеньки лестницы к роскоши – физические, пространственные, архитектурные и температурные. Первым делом питание, потом крыша над головой и защита от стихий, затем обогрев и, наконец, кондиционирование, чтобы оставаться активными, здоровыми и продуктивными, особенно во влажном климате. После этого идут более тонкие слои: профильтрованный воздух, герметичные мембраны, повсеместные датчики – в общем, элементы промышленного комплекса комфорта, который стремится облечь собой тело подобно любимой рубашке. Быть богатым – значит никогда не испытывать дискомфорта. Жизнь бедняков, напротив, наполнена неудобствами, попытками избавиться от голода, непогоды, стремлением не стать жертвой неожиданностей. Борьба за комфорт – это борьба за равные возможности, справедливость и условия, благоприятные для роста и самореализации.

На всех, однако, комфорта не хватит. Не потому, что его запасы заканчиваются, а потому, что перед лицом климатического кризиса мы

Дэниел Барбер, профессор архитектуры, руководитель аспирантской программы, Школа дизайна Стюарта Вайцмана, Университет Пенсильвании; USA, PA 19104, Philadelphia, South 34th Street, 210. E-mail: barberda@design.upenn.edu

Эссе посвящено критическому переосмотру комфорта в контексте климатических изменений и неравенства. Современная архитектура по умолчанию ориентирована на производство комфорта – мы живем в эпоху комфортцена. При этом комфорт остается слепым пятном для рефлексии и практики архитекторов и императивом проектирования по умолчанию. Однако он не безобиден. Комфорт всегда в дефиците, его распределение неравномерно и совпадает с распределением капитала, а цена – рост углеродосодержащих выбросов. В условиях экологического кризиса внутренний климат зданий должен быть скоррелирован с внешним, глобальным климатом. Архитекторы должны переосмыслить свою деятельность и перейти к проектированию дискомфорта, то есть помещений с урезанным комфортом.

Ключевые слова: комфорт; дискомфорт; экология; климатический кризис; неравенство; архитектура; проектирование

Цитирование: Барбер Д. (2022) После комфорта // Городские исследования и практики. Т. 7. № 3. С. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp73202239-45>

1. Перевод с английского Андрея Васильева по изданию: Barber D. A. After Comfort // Log 47: Overcoming Carbon Form (November, 2019). P. 45–52.

должны коллективно приспособиться к тому, что его станет меньше. Или, точнее, архитекторы должны помочь сделать так, чтобы его стало меньше, несмотря на все сопряженные с этим трудности, несмотря на отсутствие в этой сфере реального движения по поводу климата. Комфорт во внутренних помещениях – вопрос специфически архитектурный, и скудность комфорта – это то, что архитекторам придется создавать. Это включает в себя рефлексивное переустройство выстраиваемой человеком среды. Мы работаем так, словно комфорт помещений с контролируемым климатом – но также комфорт потребления, пищевых отходов, путешествий и т. д. – это одно из прав человека. Но глобальное поглощение углерода, которое напрямую связано с обеспечением комфорта, уже не справляется. Если мы больше не можем выбрасывать в атмосферу углерод, то не можем и пользоваться кондиционерами как прежде. Здания должны пониматься, проектироваться и строиться по-другому. Мы должны пересмотреть основные параметры комфорта, производительности, справедливости, качества и культуры и договориться о них.

Комфорт, как и капитал, распределен неравномерно – не всем досталось поровну. Когда у вас его много, от него трудно отказаться. Еще труднее убедить отказаться от этого кого-то другого. Комфорт кажется чем-то нормальным, ожидаемым, очевидным – заслуженным. Почему бы душевной и бессонной ночью не включить кондиционер? Зачем вообще его выключать? И все же нам нужно ограничить поставки и распределение комфорта, пересмотреть их, вместо того чтобы позволять комфорту бесконтрольно множиться. Поскольку климатический кризис усиливает глобальные асимметрии, переосмысление комфорта заставит нас критически задуматься об этих асимметриях. Кто решает, кому жить в комфорте? Каковы технологические, производственные, политические и эмоциональные контуры обладания этим правом?

2

Проектировать дискомфорт практически невозможно, по крайней мере в США. Культурно-промышленный механизм, который мы именуем архитектурой, не ставит

комфорт под сомнение. Наличие систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха просто предполагается за исключением редких случаев, например пляжного домика или домика в лесу, где временно ценится легкий дискомфорт от проживания наедине с природой. Исключения бывают, но в целом эти системы – умолчание. Они невидимы, скрыты в подвесных потолках, спрятаны за стенами и под полом. Воздуховод и декорированный сарай.² Этот эпохальный аспект строительной культуры, важный для нашего ближайшего и более отдаленного будущего, не является явным образом ни проблемой проектирования, ни предметом обсуждения. Комфорт рассматривается как нечто находящееся вне архитектуры, хотя механические системы находятся глубоко внутри, а очень, очень многие здания организованы по принципу непроницаемой мембраны. И все же способность архитектуры виртуозно изобретать формы неизбежно подчинена механическому обеспечению комфорта. Комфорт – это не предмет изобретения, воображения и экспериментов. Пока – нет.

Как спланировать дискомфорт и вывести на чистую воду эти скрытые структуры (вентиляции, декарбонизации)? Как мыслить приемлемость для жизни (*livability*), образ жизни и саму жизнь в контексте геофизических и геополитических последствий комфорта? Каковы пределы «приемлемого для жизни»? Может ли нам быть лучше при дискомфорте? Может быть, появится приятное ощущение причастности к изменившемуся глобально-тепловому режиму. Аффективные контуры дискомфортной жизни – это растущая индустрия. Состояние дискомфорта может стать одной из ценностей, на которые ориентируются инновации в обустройстве пространств.

Каждый едва слышный щелчок и гул включающегося кондиционера, каждый шорох радиатора – это медленный и масштабный коллективный симфонический плач, сопровождающий упадок цивилизации. Комфорт уничтожает наше будущее с каждым щелчком и жужжанием. Комфорт полагается на свою невидимость: вы не видите его, вы делаете вид, что не слышите его. Он просто есть. Коснитесь кнопки или экрана. Скажите умной колонке отрегулировать температуру. Скрыта не только система отопления, вентиляции

2. Игра слов: duct созвучно duck, а «утка» и «декорированный сарай» (*the duck and the decorated shed*) – это два типа зданий с точки зрения организации их символизма, см.: Вентури Р., Айзенур С., Браун Д. (2015). Уроки Лас-Вегаса. Забытый символизм архитектурной формы. М.: Strelka Press. – Прим. пер.

и кондиционирования, но и сам бойлер, топливо, сеть его добычи, эксплуатация труда при этом, углеродная стоимость доставки, ущерб от загрязнения и отравления воздуха. Комфорт нормален, он – воплощение нормативного; регулируемый и рационализированный, встроенный в системы зданий и промышленные цепочки поставок. Американское общество инженеров по отоплению, охлаждению и кондиционированию (ASHRAE) уже давно захватило власть.

Комфорт очень сложно устранить. Проектирование, ориентированное на комфорт, породило проблемные активы: здания, задуманные и построенные с учетом систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха, с герметичными навесными стенами и мощными механическими системами, имеют мало шансов выжить в мире после комфорта. Большая часть знаковых архитектурных творений XX века в плане поддержания температурного режима была плохо спроектирована по сравнению с современными интерьерами и экстерьерами; в плане циркуляции углерода они непригодны для жилья, исправления, возвращения в строй. Наша история будет переписана, наши принципы сохранения и критерии сохранности здания будут скорректированы. Мы являемся свидетелями начала медленного (слишком медленного), но устойчивого упадка герметичной архитектурной среды, к которой мы привыкли. Архитекторов не учат проектировать дискомфорт. Пока – нет.

3

Мы больше не защищены от природной стихии. Она перешла в нападение и определяет наше коллективное будущее. Ощущение комфорта *внутри* зависит от глобального роста климатической нестабильности *снаружи*. Внутренний комфорт порождает непредсказуемость. Несмотря на все утверждения об антропоцене, геологической «эпохе человека», мы бессильны вернуть атмосферу в предсказуемое состояние. Или хотя бы помыслить человеческое будущее, устойчивое к непредсказуемости, с которой все больше предстоит иметь дело нам, а тем более нашим детям. Системы отопления, охлаждения и контроля влажности производят нам комфорт, в то же время производя и нашу уязвимость. По сути, запечатывая себя в кондиционированных пространствах, мы тем самым отдаемся на волю природной стихии.

Мы живем в эпоху комфортацена – эпоху, определяемую глобальным порядком, основанным на производстве единообразных интерьеров. Эта эпоха будет краткой – вернее, ограничена человеческая способность жить в нее. Неужели, требуя комфорта, мы действительно убиваем себя? Да, убиваем или по крайней мере угрожаем убить. Кондиционирование воздуха – основное орудие этой экзистенциальной угрозы; кондиционирование интерьеров – это углеродоемкий императив, к которому архитекторы могут найти подход, способ устоять перед ним и перестроить его.

Изменение климата создает проблемы как политического, так и физиологического характера. Как много людей утратят комфорт? И в какой степени утратят? Изменение личных и социальных ожиданий будет одним из важных элементов этих проблем – не личная добродетель в виде жизни с пониженным углеродным следом, а коллективное переосмысление культурных ценностей. Можем ли мы вообразить себе, сформулировать и распространить культуру дискомфорта? Как она выглядит, буквально? Какую форму имеет? Каково это? И как этого добиться? Это великолепный вызов для архитекторов, которые как цех столь неустраимо встроены в капитал, но имеют право и обязанность вообразить. Теперь проблема состоит в том, как не расти, как способствовать экономике обмена и перераспределения. Дискомфорт – это шанс. Императив перехода к новому состоянию формирует перспективы дискомфорта. Но если это переход не в сторону роста, то какова цель? Как можно строить здания, сокращая выбросы углерода?

Недавняя глобальная волна популизма в предвыборной политике тоже отражает тревожную коллективную попытку ухватиться за комфорт, температурный и прочий, – попытку держаться уже известного перед лицом все более отчаянной неопределенности. Энергия, уголь и климат обусловили политические сдвиги, в частности, на выборах в Америке и Австралии. Нет ничего более традиционалистского, более консервативного, чем комфорт. Кондиционированные помещения образуют инфраструктуру мирового капитала – от офисов и музеев до аэропортов и контейнеров-рефрижераторов.

Кондиционирование повсюду. На него не влияют изменения, происходящие снаружи. Архитекторы даже не адаптируют к ним базовые установки. Вместо этого, как

и во многих других профессиях, мы ждем, что с проблемой разберутся политики и инженеры, и наивно придерживаемся императива комфорта, игнорируя неизбежность все большей нестабильности.

4

Комфорт, как и капитал, — это показатель расового неравенства, пространственная и механическая форма скрытой предвзятости. Это структурное принуждение к норме; материальное, атмосферное и глобальное. Климатические детерминисты 1920-х годов делили мир на зоны в соответствии с расой и климатом, утверждая, что евро-американские зоны умеренного климата более благоприятны для социальных взаимодействий и высокой производительности. Они соотносили экономические возможности с режимами солнечного освещения, рационализируя эти взаимосвязи псевдонаучными методами. Навязанное ими представление о производительности возложило бремя прибыли — культуры, комфорта — на спины других.

Комфорт был важным колониальным различием: кому было комфортно, а кому нет? Можем ли мы начать говорить о репарациях за комфорт, разрабатывать методы проектирования, которые усиливали бы дискомфорт Севера ради улучшения жизни в Южном полушарии? Это повлекло бы за собой массовую передачу температурного богатства при одновременном снижении суммарного комфорта. Проектирование северного дискомфорта, доведенного до крайности, переориентация энергетических ресурсов на внутренние пространства Глобального Юга: декарбонизация как деколонизация.

Комфорт и развитие неразрывно связаны. Дефицит комфорта — это сигнал о том, что развитие доступно не всем и что эту неравномерность необходимо принудительно направлять через политические и географические границы, чтобы она не распространялась по исторически знакомым колеям. Дискомфорт Севера будет чем-то навязанным, а не долгожданным. Асимметрию температурного богатства можно перевернуть; жизни на Севере и Юге можно преобразить благодаря перераспределению температурных богатств. Архитектура — орудие этого различия в комфорте; проектирование — способ артикуляции и согласования этого температурного различия. Архитектура — это и материал, из которого создается связь комфорта и климата, и экран,

на котором отображается воображаемое комфорта.

Как дизайн дискомфорта может обрести статус качества, ценности? Дизайн дискомфорта означает, что глобальное сообщество ставится выше местного, и подчеркивает способность архитектуры интегрировать геофизическое с геополитическим: ценить города, здания, пространства и практики так, как если бы углерод имел значение. Архитекторы могут исследовать опыт дискомфорта не только в терминах формы, теории и новизны, но и в терминах углерода.

5

Пространство формальных экспериментов, которое мы называем «современной архитектурой», было и пространством интенсификации использования энергии. Знаменитый небоскреб Сигрем-билдинг — одно из худших зданий на Манхэттене по показателям эффективности. Со своими тонкими навесными стенами и светящимся потолком оно будто стремилось использовать как можно больше энергии. Это не было ошибкой или упущением: после войны, когда мировой нефтяной режим только формировался, амбиции зданий, особенно корпоративных, состояли в том, чтобы тратить как можно больше энергии, чтобы генерировать как можно больше экономической активности. Офисное здание было символом неизбежности экономического роста и возможности комфорта — в Нью-Йорке, Гонконге, Сиднее, Дели, Макао, Лондоне, Пекине, Мадриде и так далее. Комфорт был повсюду, и все же во многих местах его не было. Многие здания, на которые некогда возлагались большие надежды, стали памятниками быстро уходящему в прошлое социотехническому механизму. Стали проблемными активами. С точки зрения углеродосодержащих выбросов архитектура, какой мы ее знаем, безнадежна. Так что же такое архитектура после комфорта?

Форма представляет интерес, если и когда она способствует сокращению выбросов углерода и дизайну дискомфорта. Преодолеть углеродную форму — значит устоять перед ее превосходством. Действительно ли важно, как выглядит непредсказуемое будущее? Да, конечно. Дизайн передает новые выражения коллективной воли. Форма — это то, чего мы будем держаться до конца, заверение в важности культурного самовыражения.

Построенное нами не является чем-то необходимым. Оно возводилось

в соответствии с конкретными социально-экономическими условиями, коллективными желаниями и культурными интересами; его можно разбирать и перестраивать в соответствии с новыми условиями, новыми желаниями и новыми направлениями культурного развития. Такие реконструкции переосмысливают отношение к ресурсам, экономике, обмену и справедливости. Новая амбиция архитектуры должна заключаться в том, чтобы приучить людей жить в дискомфорте.

Архитектура дискомфорта будет многогранной – величие архитектуры в ее собственных творческих возможностях, приятной непривычности аффективного пространства. Она привносит что-то новое, однако в последние несколько десятилетий возможной новизне предписывались слишком уж тесные рамки. Если дать архитекторам свободу проектирования дискомфорта, то появятся пространства, материалы и системы, совершенно невообразимые сейчас. Мы с нетерпением ждем этого взрыва углеродного творчества.

6

Первый шаг – переоснащение. «*Постановили: (Е). модернизация всех существующих зданий в США... с целью достижения максимальной энергоэффективности*»; «Зеленый новый курс» (Green New Deal) направлен на преобразование всей отрасли. Однако больно думать о роли архитектуры как о простой модернизации. Это ставит неотложные вопросы: какое новое строительство может быть оправданным? Если действительно все дело в углероде, то что остается делать архитекторам? Сколько именно дискомфорта мы можем впустить в наши дома, офисы, школы и учреждения? Сколько дискомфорта мы можем вынести? У архитектуры есть возможность, если не обязательство, определить и исследовать эту новую границу – проектировать на пределе комфорта. Для последних 100 лет было характерно производство комфорта; высвободившийся за это время углерод будет определять состояние планеты на долгие века. Тем не менее один из уроков этого периода роскоши и технологического развития заключается в том, что он демонстрирует способность разработчиков решать сложные задачи творчески и с оптимизмом; он демонстрирует способность сообщества к преодолению.

7

Подкованному проектировочному сообществу ближайшего будущего проектирование дискомфорта откроет новые возможности, позволив отказаться от расчетливого производства новизны и поиграть с пределами комфорта. Благодаря сотрудничеству с физиологами, инженерами, художниками и представителями других профессий мы можем спросить: как здание может помочь в регулировании планетарного чувства комфорта, руководствуясь взаимосвязями между культурными желаниями и выбросами углерода, а не стандартами ASHRAE?

Императив проектирования ради дискомфорта реален и ощутим. Будучи сферой исследования и развития возможностей дизайна в ближайшие десятилетия, дискомфорт – наша цель: у нас есть будущее только в том случае, если мы готовы изменить свои ожидания от интерьера (меньше полагаться на кондиционирование воздуха). Инструменты дизайна могут не только уменьшить зависимость от механического кондиционирования, они также могут играть компенсирующую, креативную и воспитательную роль: опыт жизни в комнате или в городе, который может поощрять и вознаграждать образ жизни, привычки, одежду и действия, снижающие комфорт.

Конечно, архитектура веками обходилась без современных систем отопления, вентиляции и кондиционирования; до 1960-х годов большая часть зданий проектировалась с учетом климатических условий, в которых они будут находиться. У нашей профессии есть давняя история применения разнообразных инструментов, знаний о материалах, внимания к ориентации в пространстве и естественно-индуцированной вентиляции. Мы можем опираться на множество исторических примеров. Сегодняшние цифровые возможности увеличили способность нашей дисциплины понимать особенности конкретных климатических условий и проектировать с их учетом.

Дизайн дискомфорта предполагает, что такого оптимизирующего программного обеспечения недостаточно, – недостаточно соответствовать стандартам LEED³. Преобразование носит глубоко культурный характер и не вписывается в показатели экологической устойчивости: как гло-

3. Leadership in Energy and Environmental Design, самый распространенный стандарт экологической сертификации зданий.

бальное сообщество, мы должны скорректировать контуры наших желаний и наших ценностей. В этом и состоит роль архитектуры: архитекторы могут проектировать дискомфорт, чтобы сделать дискомфорт желанным, — найти удовольствие в новой причинно-следственной цепочке, которая начинается с менее кондиционированного интерьера, ведет к менее насыщенной углекислым газом атмосфере и разрешается сама собой путем смягчения неравенства, эксплуатации и стихийных бедствий, которые усиливаются с изменением климата. Дискомфорт — это не что-то плохое, если оно спроектировано, управляемо и сделано желанным. Мы окажемся в дискомфорте либо путем его намеренного проектирования, либо вынужденно — по мере того как ужасы непригодной для жизни Земли становятся все более ощутимыми. Почему бы не начать прямо сейчас?

8

Архитектура не виновата, хотя часть ответственности все же лежит на ней. Нам не хватает формального и текстуального языка, чтобы нащупать свою позицию в этой борьбе. Наша профессия оказалась в центре внимания, когда законодатели, ученые и общественность стали пристально всматриваться в разного рода биеннале, вновь реконструированные музеи, шумевшие выставки, празднования открытия новых аэропортов в поисках деталей, свидетельствующих о внимании к будущему изменению климата. Но они редко находят то, что ищут. Мы рассчитываем, что архитектура преобразится, что она создаст новые формы. Преодолеет свое прошлое. Эта социально-энергетическая трансформация породит архитектуру, которая будет делать явным, а не игнорировать определяющее присутствие систем отопления, вентиляции и кондиционирования в большинстве развитых стран. Эта трансформация требует кардинального изменения критериев, в соответствии с которыми мы оцениваем здание, ландшафт или общественное пространство. «Как этот проект ставит под сомнение комфорт, работает на дискомфорт, делает сокращение выбросов углекислого газа чем-то привлекательным?» — такие вопросы скоро будут звучать на студийных комиссиях и встречах с клиентами. Архитекторам не хватает языка, чтобы обсуждать комфорт и дискомфорт или чтобы критически рассматривать отношения между системами вентиляции,

отопления и кондиционирования и цивилизацией.

Сегодня сильная сторона нашей профессии, ее возможное место в культурном дискурсе — ее роль в качестве пространства интенсификации меняющегося баланса комфорта и углерода. Проблемы, стоящие перед архитектурой, высвечивают более широкую тенденцию, поскольку любая другая социально-политическая практика тоже стоит перед лицом нестабильности климата. Архитектура в этом незаменима: она необходима для модуляции комфорта в помещениях; для тонкой организации механизмов выбросов углерода; для того, чтобы вообразить и построить среду с нулевыми выбросами углерода; чтобы ценить модернизацию и реновацию. Архитекторы хорошо умеют создавать будущее, отличное от прошлого.

9

Мы все замешаны в этом — и архитекторы, и все остальные. Несмотря на все тревожные сигналы, мы выбрасываем больше углерода, чем когда-либо прежде. Любая профессиональная и культурная практика стоит перед императивом радикальной трансформации. Архитекторы находятся на передовой — наконец-то в авангарде! — построения мира на грани дискомфорта. В этом состоит — или скоро будет состоять — культурное значение этой сферы: выражать и развивать неуглеродные возможности, исследовать жизнь после комфорта.

AFTER COMFORT

Daniel Barber, Associate Professor of Architecture, Chair of the PhD Program, Stuart Weitzman School of Design, University of Pennsylvania; 210 South 34th Street Philadelphia, PA 19104, USA.
E-mail: barberda@design.upenn.edu

Abstract. The essay is devoted to a critical revision of comfort in the context of climatic and inequality. Modern architecture is by default focused on the production of comfort—we live in the era of comfortocene. At the same time, comfort remains a blind spot for architects’

reflection and practice and a default design imperative. However, it is not harmless. Comfort is always in short supply, its distribution is uneven and coincides with the distribution of capital, and the price is an increase in carbon emissions. In the conditions of ecological crisis, the internal climate of buildings should be correlated with the external, global climate. Architects should reconsider their activities and move on to designing for discomfort, that is, architecture with reduced comfort.

Keywords: comfort; discomfort; ecology; climate crisis; inequality; architecture; design

Citation: Barber D. (2022) After Comfort. *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 3, pp. 39–45. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp73202239-45>